

Войцех Хлебда

Фразеология жанров речи : ресурсы русского языка в новом освещении

Studia Rossica Posnaniensia 24, 161-166

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ФРАЗЕОЛОГИЯ ЖАНРОВ РЕЧИ – РЕСУРСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

THE PHRASEOLOGY OF KINDS OF SPEECH – RESOURCES OF RUSSIAN IN
A NEW LIGHT

ВОЙЦЕХ ХЛЕБДА

ABSTRACT. In the article the author deviates from classical concepts of phraseology as a science ignoring the actual sphere of inter-human communication.

Wojciech Chlebda, Wyższa Szkoła Pedagogiczna, Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, ul. Oleska 48, Opole, Polska-Poland.

Запас назывных средств языка с каждым днем увеличивается. Но вместе с тем растет и число „бесхозных” единиц языка, которыми не занимается ни лексикология, ни фразеология, которые, в эффекте, не фиксируются словарями, не описываются. В словарях русского языка не отмечено, например, ни одно из следующих выражений: *мягкое мороженое; ограниченный контингент советских войск; все прогрессивное человечество; встать, суд идет!; если мне не изменяет память; человеческих жертв не было; комментарии излишни; действующие лица и исполнители; только что мы получили сообщение; спасайся, кто может!* Только относительно двух первых единиц этого списка можно предполагать, что они не попали в словарь по своей относительной новизне. Остальные выражения давно укоренились в русском языке, и если их лексикографическая фиксация до сих пор не осуществилась, дело, по-видимому, в другом: их просто не принято считать фразеологизмами.

Современная фразеология все еще пытается педантично отделять „истинные” фразеологизмы от идиом, от пословиц, от поговорок, от крылатых выражений, от составных терминов, от изречений и т. д. Это, на мой взгляд, умножение сущностей сверх необходимого, тем более, что процесс этот отнюдь не приводит к исчерпывающему описанию ресурсов языка: такие выражения, как, например, *одну минуточку!*; *о спорте* [в выпуске последних известий]; *от себя* [надпись на дверях]; *по газонам не ходить; ветер при грозе порывистый; подпись неразборчива; когда верстался номер* не представляют собой ни идиом, ни пословиц, ни поговорок, ни крылатых выражений, ни терминов, ни фразеологизмов в традиционном

понимании – и остаются за бортом лингвистики. Они, как правило, не метафоричны, не экспрессивны, семантически аналитичны, но, стоя ближе всего к фразеологическим выражениям в классификации Н. М. Шанского¹, на практике, тем не менее, как фразеологизмы не фиксируются. Хотя Шанский и определил общий знаменатель для таких выражений – воспроизводимость – у многих лингвистов невольно возникает вопрос: а воспроизводимы ли на самом деле выражения типа *конец фильма; кто-л., в частности, сказал; партию фортепиано исполняет кто-л.; как передал наш корреспондент; где-л. воздух прогреется до х градусов* – или же это просто свободные сочетания слов? Сам Шанский ведь выражение *партийный билет* считает воспроизводимым, *партийный стаж*, однако, по каким-то причинам – свободным словосочетанием².

Дело, на мой взгляд, в том, что традиционная фразеология оперирует понятием „воспроизводимости как таковой”, „воспроизводимости вообще”. Тем временем, мы никогда не говорим „вообще”, а всегда в какой-то ситуации; вне ситуации человек говорить просто не может. Понятие ситуации же содержит в себе понятия отправителя и получателя высказывания, других, активных или пассивных, участников диалога, их стратегии дискурса, их общественный статус, форму передачи сообщения и другие факторы, ограничивающие свободу выбора языковых средств³ – в их числе интенцию (намерения говорящего) и смысловые потенциалы (содержание), которые говорящий в рамках данной интенции намерен реализовать.

Если это так, если мы всегда говорим в какой-то, но именно так понимаемой ситуации, то должны оперировать не понятием „воспроизводимости вообще”, а понятием „воспроизводимости в данной ситуации” как критерием выделения единиц языка. И тогда окажется, что выражения типа *партию фортепиано исполняет кто-л., кто-л., в частности, сказал*, которые на первый взгляд действительно кажутся свободными сочетаниями слов, на самом деле – т. е. в определенных ситуациях – являются относительно постоянными формами выражения соответствующих смысловых потенциалов. Так, выражение *партию фортепиано исполняет кто-л.* является постоянной (а поэтому и воспроизводимой) формой выражения смыслового потенциала ‘кто-л. аккомпанирует’, причем не в любой ситуации, а лишь в ситуации объявления концерта по радио или

¹ Н. М. Шанский, *Фразеология современного русского языка*, Москва 1985, с. 62-63.

² Там же, с. 63.

³ Об ограничителях свободы наших высказываний см., напр.: W Chlebda, *Frazeologia w świetle zagadnień społecznej psychologii języka (zarys problemu)*, Zeszyty Naukowe WSP w Opolu, Filologia Rosyjska XXV, Opole 1986, с. 43-53; A. Piotrowski, M. Ziółkowski, *Zróżnicowanie językowe a struktura społeczna*, Warszawa 1976, cz. III; K. Pisarkowa, *Zdanie mówione a rola kontekstu*. В сб.: *Studia nad składnią polszczyzny mówionej*, Wrocław 1978, с. 7-20.

в концертном зале; другой формы выражения в этой ситуации данный потенциал, пожалуй, не имеет, напр.: А сейчас вы услышите 3-ю Сонату для скрипки и фортепиано Брамса. Играет Давид Ойстрах, партию фортепиано исполняет Фрида Бауэр.

Словосочетание *кто-л., в частности, сказал* является такой же постоянной (а поэтому и воспроизводимой) формой выражения смыслового потенциала 'кто-л. высказал по данному поводу следующие слова', причем оно является такой постоянной формой не „вообще”, а в ситуации передачи последних известий по радио или телевидению. Это выражение воспроизводится притом как часть строго фиксированной структуры сообщения: как среднее звено между общим изложением чьего-то мнения и прямой цитацией, напр.: Выступая перед избирателями, резко отрицательную оценку событиям в Прибалтике дал и Егор Лигачев. Он, в частности, сказал: „В создавшейся обстановке мы вынуждены принять более решительные меры... и т.д.”

В подобной трактовке и другие выражения типа *ветер при грозе порывистый; к себе; продолжение следует; с упорством достойным лучшего применения; перед употреблением встряхнуть; несмотря на то, а скорее поэтому; внимание – автомобиль!*; *конец цитаты* и т.п. оказываются воспроизводимыми знаками соответствующих смысловых потенциалов в определенных ситуациях. Полушутливо я называю их „воспроизводимами”, в своих работах же я пользуюсь по отношению к ним термином фразема⁴.

В предложенном подходе, однако, сомнения и возражения может вызвать его кажущаяся чрезвычайная раздробленность. Действительно, если к текстам высказываний подходить с одним только критерием фразеологичности (т.е. с критерием „воспроизводимости-в-данной-ситуации”), количество фразеологизмов, естественно, вырастет, с 4-х тысяч во *Фразеологическом словаре* А. И. Молоткова или 25-и тысяч в *Большом академическом словаре* до сотен тысяч фактически воспроизводимых единиц русского языка, образующих, на первый взгляд, безбрежное море хаоса⁵.

Есть, однако, фактор, вводящий в этот хаос определенный порядок. Если с понятием ситуации мы связываем понятие темы высказывания и интенции говорящего, ограничивающих свободу выбора языковых средств – т.е., по сути дела, навязывающих говорящему определенные языковые средства в определенной структуре высказывания – то такое понимание ситуации явно перекликается с понятием „жанра речи”. Три

⁴ См.: W. Chlebda, *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*, Opole (в печати).

⁵ В недавно вышедшей статье Анджей Богуславский говорит даже о миллионах единиц языка; см.: A. Bogusławski, *Uwagi o pracy nad frazeologią*. В сб.: *Studia z polskiej leksykografii współczesnej III*, Białystok 1989, s. 19.

упомянутых элемента: тематика с интенцией, стиль и композиция (структура) и создают, по мнению Михаила Бахтина, относительно постоянные типы высказываний, именуемые жанрами речи⁶. И подобно тому, как нельзя говорить вне ситуации, нельзя говорить и вне того или иного речевого жанра – „даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам”⁷.

Но форма речевого жанра – это набор постоянных для смысловых потенциалов данного жанра языковых знаков. Иными словами, с каждым жанром речи связана свойственная этому жанру, облигаторная для него „лексика и фразеология”. Если каждый акт речи в данной ситуации равнозначен выбору (пусть и неосознанному) какого-то жанра речи, то этот жанр автоматически навязывает говорящему как общую композицию (структуру) высказывания, так и связанные с элементами этой структуры облигаторные (а поэтому и воспроизводимые в данной ситуации) комбинации слов⁸. Так, если ситуативно обусловленная интенция заставит говорящего воспользоваться, скажем, жанром некролога, в записках этого жанра хранятся готовые (и поэтому воспроизводимые, и поэтому фразеологические) словосочетания типа: *кто-л. с глубоким прискорбием извещает о смерти кого-л.; после тяжелой/продолжительной болезни скончался кто-л.; что-л. понесло тяжелую/невыполнимую утрату; светлая память о ком-л. навсегда сохранится в чьих-л. сердцах/памяти*. Употребление этих словосочетаний – причем употребление в определенном порядке, в конкретных местах структуры данного высказывания – обязательно, если мы хотим вообще говорить о газетном некрологе. В рамках этого жанра эти словосочетания вполне воспроизводимы. И тем не менее ни одна из перечисленных фразем не зафиксирована словарями русского языка. Иначе говоря, словарями не зафиксировано то, что следовало бы выделить и назвать „фразеологией жанров речи”.

Мы не знаем числа жанров речи. Но если количество возможных конкретных ситуаций определить нельзя, то число жанров речи – как ситуативно обусловленных типов высказываний, – по крайней мере, обозримо. Кроме того, жанры речи можно, на мой взгляд, удачно вписать в еще более общую структуру – в систему актов речи; жанры речи и есть типизированные формы выражения интенций, составляющих

⁶ М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979, с. 237.

⁷ Там же, с. 257.

⁸ О тесной связи фразем со структурой высказывания в рамках определенного жанра см., напр.: Е. Ваверкова, *Вводящие конструкции в русской научной прозе*, „Пятый Международный конгресс МАПРЯЛ. Тезисы докладов чехословацкой делегация”, Прага 1982, с. 67-70.

суть актов речи. Вырисовывается довольно стройное дерево: акты речи (напр., сообщения, декларации, экспрессии, обязательства и директивы в классификации Дж. Серля⁹) – I этаж; жанры и поджанры речи в виде идущих от актов ответвлений – II этаж; и, наконец, очень разветвленная сеть соответствующих им наборов фразеологических средств („воспроизведем”, фразем) – III этаж. Это трехэтажное дерево охватывает весь универсум речевой деятельности человека.

Но если число веток I этажа – актов речи – нам в общем-то известно¹⁰, количество жанров речи пока трудно установить. Анна Вежбицка предприняла попытку охарактеризовать свыше 40-а жанров, таких, как, напр.: вопрос, угроза, приказ, предостережение, поздравление, соболезнование, жалоба, доклад, ссора, анекдот, тост, донос и т.п.¹¹, ясно, однако, что их намного больше. Можно предполагать, что каждый жанр и поджанр речи несет с собой вполне очерченный набор своих „воспроизведем” – фразем некролога, фразем пожеланий, фразем жалобы, просьбы, хвастовства и т.д. Были уже предприняты (К. Кункелем – для немецкого языка, И. Онхайзер – для русского¹²) попытки описать „фразеологию жанров”, при очень узком, однако, сугубо публицистическом понимании термина „жанр”. Попытки описать способы выражения смысловых потенциалов в жанрах в более широком, бахтинском понимании – в жанрах приветствий, прощаний, извинений, благодарности, просьбы – обнаддеживают¹³. Они подтверждают также, между прочим, тезис Вежбицкой о том, что жанры речи культурно детерминированы. В частности, сопоставительный анализ фразеологии некролога, сделанный моими студентами, показывает, например, что хотя сам жанр некролога характерен как для польской, так и для русской языковой культуры, то набор фразем, составляющий основу этого жанра в русском языке, только

⁹ J. R. Searle, *A classification of „illocutionary acts”*, „Language in Society” 1976, vol. 5, с. 1-23.

¹⁰ Их, в зависимости от классификации, пять-семь; о классификациях речевых актов см., напр.: Н. А. Безменова, В. И. Герасимов, *Некоторые проблемы теории речевых актов*. В сб.: Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. Сборник обзоров, Москва 1984, с. 146-196; А. Аwdiejew, *Pragmatyczne podstawy interpretacji wypowiedzi*, Kraków 1987, rozdz. 4.5.

¹¹ А. Wierzbicka, *Genry mowy*. В сб.: *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*, Wrocław 1983, с. 129-134.

¹² К. Kunkel, *Untersuchungen zum Gebrauch von substantivischen Phraseologismen. Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache*, 1985, с. 225-237; И. Онхайзер, *Изучение фразеологизмов в тексте*. В сб.: *Studia i Materiały WSP w Olsztynie*, nr 12, Filologia Rosyjska, Olsztyn 1989, с. 177-188.

¹³ См., напр.: Н. И. Формановская, *Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход)*, „Русский язык за рубежом” 1984, № 6; К. Ożóg, *Podziękowania w polszczyźnie mówionej*, „Język Polski” 1982 (LXII), с. 259-266; К. Ożóg, *Przeproszenia w dzisiejszej polszczyźnie mówionej*, „Język Polski” 1985 (LXV), с. 265-276.

частично соответствует фразеологии польского некролога (и наоборот: в жанре польского некролога есть свои безэквивалентные фраземы).

Сетка жанров речи, налагаемая на многотысячное множество фразем и упорядочивающая его, должна быть отражена лексикографией – как одноязычной, так и переводной. До сих пор фраземы типа *приглашение было принято с благодарностью; со всеми вытекающими отсюда последствиями; кто-л. без ума от кого-л.; сегодня в продаже; как дела?; говорить правду, только правду и ничего, кроме правды; жить стало лучше, жить стало веселее; сроку давности не подлежит* и т.п. описывались (если вообще замечались) то как „формулы этикета”, то как „синтаксические конструкции”, то как „крылатые выражения”, „городские надписи”, „способы выражения” и т.д. Иными словами, они описывались отдельно, независимо друг от друга, и в общий словарь не включались. Тем временем, их общий знаменатель – т.е. факт, что все они в определенных ситуациях, для выражения определенных интенций и смысловых потенциалов, воспроизводятся – позволяет свести их в одну группу с такими классическими фразеологизмами, как *кто-л. собаку съел в чем-л., избивание младенцев, без царя в голове*, от которых в данном смысле они ничем не отличаются и вместе с которыми должны быть на равных правах включены в общий фразеологический словарь (а затем и в переводные словари).

Следующим шагом должно быть соответствующее – т.е. соответствующее истинным функциям в речи – описание единиц полученного корпуса. Настоящее положение дел в этой области оставляет желать многого. Дело в том, что до сих пор фразеология была безличной, или, точнее, безразличной к личности – к личности говорящего и его собеседников. Фразеология была и, на мой взгляд, остается фразеологией словарных инвариантов. Тем временем, в речевой деятельности мы пользуемся не инвариантами же. Фразеологизмы в наших высказываниях – те „воспроизводимы”, или фраземы, о которых шла здесь речь – это прежде всего устойчивые по своей языковой форме способы реализации, или воплощения, наших явных и скрытых интенций, содержащие в себе импульсы к широко понимаемым практическим действиям. Поэтому, рассматривая „фразеологию жанров речи”, мы, по сути дела, находимся на подступах к прагматической фразеологии – и именно этот прагматический аспект фразеологических единиц в словарях не учтен¹⁴. Он и должен стать сейчас предметом детального исследования.

¹⁴ См. об этом: А. М. Lewicki, А. Pajdzińska, В. Rejakowa, *Z zagadnień frazeologii. Problemy leksykograficzne*, Warszawa 1987, с. 31 и сл.